

Александр Жданов

ОСЕННИЕ БЕСЕДЫ С МУХОМОРОМ

Александр Жданов

Осенние беседы с мухомором

«Издательские решения»

Жданов А.

Осенние беседы с мухомором / А. Жданов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857827-4

Каково это в наше время встретить в лесу лешего? И не только встретить и разговориться с ним, но и побывать у него в гостях да не раз? А если заболел леший, как его лечить? Да и леший ли это на самом деле? О чём думают и что вспоминают собаки? Что чувствует больной лебедь? Всё это в новой книге Александра Жданова, выходящей под занавес Года экологии.

ISBN 978-5-44-857827-4

© Жданов А.
© Издательские решения

Содержание

Осенние беседы с мухомором	6
Слышишь, как падают листья?	6
Лосиная заводь	8
Как вылечить лешего	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Осенние беседы с мухомором

Александр Жданов

© Александр Жданов, 2017

ISBN 978-5-4485-7827-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осенние беседы с мухомором

Слышишь, как падают листья?

...И тогда я понял, что заблудился. В лесу я всегда отыскиваю какую-нибудь возвышенность или холмик (важно, чтобы это место хорошо обозревалось), пристёгиваю гибким замком к деревцу велосипед – и он становится моим маяком. Бродя вокруг, время от времени посматриваю. Если виден, значит, не заблудился, значит, можно ходить дальше. А сейчас никак не мог его найти. Ходил, бродил – нет, не видно маяка. Тут ещё на боку блякнул мобильник – разрядился. Замечательно всё складывалось: велосипеда не видно, в какую сторону идти – непонятно, связи с внешним миром нет, и даже слабого утешения в виде собранных грибов не было – пустую совершенно корзинку держал я в руках.

В воде, если заплыл слишком далеко и не чувствуешь под собою дна, главное не паниковать. Так и в лесу. Медленно дыша и пытаюсь успокоиться, я опустил на пенёк, огляделся. Кругом – стволы, никаких тропинок, а из грибов одни поганки. Впрочем, среди них горделиво стоял крупный мухомор – командир этого грибного войска, который знает выход из любого положения.

– Ну, что, мухомор, – обратился я к грибу, – худо моё дело? Как бы ночевать здесь не пришлось. Куда, в какую сторону идти-то?

И потом уже громче, с нервным смехом – в пространство:

– Может, ты скажешь, старичок-лесовичок, а?

– И чё тут расшумелся? – услышал я над собой из-за спины. – Что за беда стряслась? Заплутал, что ли?

Я оглянулся. Неопределённого возраста мужичок стоял за мной, опираясь на кривую суковатую палку. Выглядел он странно: выцветшая до белизны военная форма, наверное, пятидесятилетней давности (такие носили в армии в шестидесятых годах), причём гимнастёрка была женская, застёгивалась налево. А на голове у мужичка – панاما, тоже армейская, по форме южных военных округов. Панاما тоже выцвела, поля свисали, к тому же она изрядно была выпачкана красной краской. И сам мужичок был весь невысокий, сморщенный, с всклокоченной бородой и очень напоминал мухомор. Но при этом у него были ясные зеленые, почти изумрудные, глаза.

– Не глазей, не глазей. Хочешь сказать, на мухомор я похож? А я и есть Мухомор. Так меня и называй. Дедом Мухомором.

– Ну, мне тебя дедом называть не с руки: сам не мальчик.

– А ты назови. Не гордись. Может, мне это приятно. Тебя уж я точно старше.

Было в нём что-то от сказочного лесовика и сельского чудика одновременно. Но при этом и что-то такое, что располагало к мужичку, заставляло доверять ему. Доверился и я. И сразу успокоился. Мы ещё и не поговорили толком, а я был уверен, что этот-то выведет меня. А Мухомор вдруг заглянул в мою пустую корзинку, улыбнулся:

– Ничего не набрал? Бывает. А знаешь, почему? Жадность тебе глаза застит – и не видишь грибов. Всё думаешь, как бы корзинку полнее набить. А ты забудь, что за добычей пришёл. Погляди вокруг. Красиво? А теперь прислушайся. Что слышишь?

– Ничего пока.

– То-то «пока»... А ты прислушайся...

– Ну, ветка где-то треснула

– Верно. А что это значит? Значит, ходит неподалёку такой же, как ты, горе-добытчик.

А ты о добыче забудь. Слышишь, как листья падают?

И я услышал! И чуть не закричал радостно:

– Слышу, Мухомор! Слышу!

– Ну, не шуми, не шуми. Услышал – хорошо. А теперь присядь на корточки да погляди сюда.

Я присел и ахнул: склон, на который указывал Мухомор, был усеян крупными, упругими лисичками. Я готов был поклясться, что несколько минут назад здесь было пусто. Во всяком случае, я ничего не видел. Слежавшаяся прошлогодняя и новая опадающая листва, случайные ягоды рябины – всё сплелось, стопталось в пёстрый ковёр, на котором не различались шляпки грибов, если грибы там и были. Даже болтливых сыроежек, которые всё норовят покрасоваться, не замечалось. И вдруг такое изобилие! Я тут же извлёк свой нож и присел у первой грибной семейки.

– Да спрячь ты этот нож! – в сердцах бросил Мухомор. – Лось да белка, небось, без ножа обходятся. Вот, как надо: осторожно, аккуратно... Не срывай мох, не срывай! И малышей не тронь. Хватит тебе.

Я послушно следовал указаниям Мухомора, и вскоре в корзинку, кроме лисичек, легли несколько подосиновиков и небольшая семейка боровиков. Я настолько увлёкся сбором грибов, что забыл о своём бедственном положении, а Мухомор сидел рядом на пенёчке и довольно посапывал. Присел и я рядышком. И мне очень захотелось поддержать разговор, хотелось показать, что и я за бережное отношение к природе. И я рассказал, что видел я недавно по телевизору передачу одну об охоте какого-то африканского племени. Несколько охотников спрятались в зарослях и наблюдали, как львы поедают только что заваленную антилопу. Терпеливо так смотрят, ждут, пока львы не наедятся вдоволь. Потом один из них, самый опытный, почувствовал, что львы сыты и не набросятся на них, не станут защищать свою добычу, сделал знак – и все быстро направились к зверям. Львы нехотя поднялись и отбежали. Охотники подошли к туше, очень быстро отрезали большой кусок – заднюю ногу, взвалили на плечи и так же быстро ушли. Львы вернулись к добыче. Ну, каково?.. По-нашему – ужас, кошмар! Как можно?! Там тебе и инфекция и все другие приятные вещи. А эти дикари мудрее нас. Во-первых, они взяли себе кусок, не тронутый львами, так что все чисто и гигиенично. Во-вторых, они взяли ровно столько, сколько нужно племени. Целой антилопы им многовато – мясо ведь не сохранить. Да и хищникам много – не съедят всю. Одна антилопа накормила людей, львов и падальщиков. Вот экологический подход. Увлечённо рассказывал, но Мухомор на удивление воспринял это спокойно, как само собой разумеющееся:

– А чё здесь особенного? Всё, как надо. Дикари же не знают, что они цари природы, думают, что детки её неразумные. Вот и слушаются мамку, обидеть не хотят. Ну, ладно, пошли. Вон ещё на том склоне пособирай.

Я пошёл туда, куда указал Мухомор, часто нагибаясь за грибами, и вдруг, распрямившись в очередной раз, увидел привязанный к сосне свой велосипед.

– Ох, дед Мухомор, ты и грибами меня снабдил, и на дорогу вывел. Спасибо, – обернулся я к Мухомору. Но старика уже не было.

Лосиная заводь

Лосёнок выскочил из кустов на тропинку внезапно. На мгновение застыл и сиганул дальше. А следом из этой же чащи за ним рванулась лосиха. Она пролетела всего в полуметре от меня и копытом задней ноги задела-таки переднее колесо моего велосипеда. Этого было достаточно, чтобы я грохнулся на бок – ни затормозить, ни соскочить я бы не успел. Лоси убежали, и только молоденькая ёлочка у самой тропинки покачивалась ещё некоторое время.

А я лежал на боку не в силах подняться. Бедро, колено, щиколотка болели, испуг еще окончательно не прошёл, и я продолжал лежать, обозревая вершины сосен и берёз. Они были очень красивы, и весь лес, постепенно менявший одеяние на осеннее, был прекрасен. И это понемногу успокаивало.

Так бы, наверное, и лежал на боку, любуясь межсезонными красками и жалея себя, но вдруг застрекотала сорока. Кого-то заметила, видно. Кряхтя и опираясь на велосипед, я поднялся, осмотрел свою машину. Радостного было мало: переднее колесо изогнулось немислимой восьмёркой, цепь оборвалась, и концы её жалко свисали со звёздочек. «Невесёлое занятие, – подумал я, – выбираться, хромя, из лесу и при этом тащить на себе то, что было велосипедом».

Но тут я заметил фигуру, мелькнувшую в зарослях, она показалась мне знакомой.

– Дед Мухомор, не ты ли? – закричал я излишне громко.

Ответа не было, но яснее стал слышен шорох ветвей.

Он вынырнул откуда-то из-под руки, мой старый знакомый. Не знаю, встретил бы я кого-нибудь другого с большей радостью. А старик, улыбаясь, уже протягивал мне руку.

– А, телезритель? – почему-то так он назвал меня. – И опять на своей железке? Какая беда на сей раз стряслась? Ну, вижу, вижу... Да... помощь тебе нужна... Ладно, топай за мной.

Старик пошёл вперёд, а я за ним – прихрамывая и волоча покорёженную свою технику.

Мы вышли на небольшую поляну среди леса. Река здесь внезапно расширялась в один бок, образуя затон, и продолжала дальше течь одиночим рукавом. И на этой самой елани, почти впритык к зарослям стояло жилище Мухомора – невесть откуда взявшийся здесь домик. Были и сарай, и поленница, даже небольшая банька притулилась.

Мухомор вошёл в дом первым и сразу загремел чем-то.

– Ехалку свою к сараю оттащи, – крикнул он мне оттуда. – А руки помыть – там ручкомойник висит.

Я оттащил велосипед, вымыл руки и ввалился в домик. Мухомор уже хлопотал возле столика.

– Ужина у меня особенного нет, – сказал он деловито, – так, по мелочи. Ну, уж чем богаты...

Я изрядно проголодался, и после всех приключений и потрясений незамысловатый ужин Мухомора показался мне очень вкусным. Я с удовольствием уписывал его и рассматривал жилище моего спасителя. Под потолком на жёрдочке висели пучки всяких трав. На полочке – немудрёная посуда, и отдельно висел деревянный ковшик-утица с ручкой в виде головы ящера. Всё напоминало жилище какого-нибудь знахаря или колдуна.

Мухомор тем временем заварил чай. Из малиновых веток. Наломал их мелко, сложил в котелок, залил крутым кипятком, плотно прикрыл крышкой и поставил на раскалённые камни потомиться. И потом мы пили этот чай с сушёными ягодами. Не скажу, с какими именно: они были перемешаны – этакое ассорти. Кладёшь в рот щепотку сушёных ягод и запиваешь горячим бледно-розовым отваром с ароматом малины – очень вкусно. Сам хозяин пил из блюдечка, шумно прихлёбывая.

– Не жаркий? – не поднимая от блюдечка головы, спросил Мухомор.

– Кому жарко? – не понял я.

– Чай, спрашиваю, тебе не жаркий? А то разбавь вон отваром.

А после ужина старик уложил меня на лавку. Под колено и под голову положил по осиновому полену. «Осина, она боль высасывает», – пояснил он. И действительно: скоро я почувствовал какое-то облегчение. Мухомор же дал мне ещё и какого-то варева и, оглядев меня всего, сказал:

– Оставаться тебе надо. К утру полегчает. Дома-то волноваться не станут?

– Некому волноваться, домашние далеко. Один я путешествую. Но ты как же? Тебе где спать?

– Будет, будет тебе. Устроюсь. Гостю – первый почёт.

С этими словами Мухомор вышел, а я почти сразу уснул.

Когда я проснулся на следующее утро, под головой у меня вместо осинового полена была подушка – мешок, набитый душистыми травами. Мухомора в доме не обнаружил. В окошко виднелась заводь. Мухомор сидел на берегу на каком-то чурбачке и смотрел на противоположный берег, к которому вышла из чащи лосиная семья. Лоси спокойно пили воду, совершенно не опасаясь человека. Казалось, они даже не замечали Мухомора. Но когда в дверном проёме показался я, они встрепенились, забеспокоились. Самец первым беспокойно поднял голову, фыркнул – и самочка с лосёнком стрелой метнулись в чащу. Следом гордо удалился и лось.

– Спугнул ты их, – не без сожаления сказал Мухомор. – Ко мне-то они привыкли, а ты чужой. От тебя не лесом пахнет, а городом и железом. Ну, ладно болтать. Завтракать сейчас будем. Давай, наколи-ка щепок да чурбачков.

Я направился к небольшой поленнице с торца мухоморова жилища. Двигался я уже свободно. Осиновые поленья да зелье Мухомора, видно, и впрямь высосали боль. Мельком взглянул на прислоненный к поленнице покореженный велосипед, подумал, что хлопотно будет тащить его домой, и принялся за дело. Мухомор тем временем колдовал у своей печурки. Собрав наколотые дровишки, я принёс их Мухомору и со словами «На всякий случай – против нечистой силы» воткнул топор в косяк двери. Старик заметно занервничал, пряча взгляд и ёжась, сказал:

– Ну, зачем ты? Зачем портить косяк?

Я посмотрел на него. Он и прежде казался мне старичком-лесовичком, а две шишки по обеим сторонам его лба при достаточном воображении можно было принять за небольшие рожки. И я решил пошутить.

– Может, ты леший? – спросил я улыбаясь. – В лесу один живёшь, гимнастёрку вон налево застёгиваешь, без ремня ходишь, топора в косяке боишься.

Но Мухомор шутку не принял.

– Может, и леший. Тебе что за беда? – ответил он, не отрываясь от работы, но так серьёзно и даже жёстко, и так глянул на меня исподлобья, что по спине у меня пробежал холодок. А Мухомор буркнул:

– Давай дело делать!

Прежде чем развести огонь, он вздохнул спичку. Сделал ножом несколько продольных надрезов у головки, как будто карандаш очинить собрался, но не до конца. Я поинтересовался, для чего это.

– Как «для чего»? Экономлю. Спички сейчас какие делают? Дрянь одна. Несколько их изведёшь, пока разжечь получится. А такая загорается сразу и горит надёжно.

На завтрак Мухомор нажарил грибов. Значит, спозаранку успел походить. Мне он наложил грибов в алюминиевую армейскую миску, а к себе придвинул сковородку. Единственную свою вилку тоже отдал гостю, сам же ел с ножа, притом очень ловко. А я, как и вчера всё рассматривал, как живёт мой новый знакомый. В хибаре его, в вещах, в посуде было совершенно немыслимое соединение исконного русского, даже славянского с советским ширпотребом.

бом. И странным показалось, что в этой лесной хибаре совсем нет никаких охотничьих принадлежностей.

– А как же ты в лесу один живёшь и без ружья? Неужто не охотишься? – спросил я тогда у хозяина.

– Нет-нет, – быстро заговорил Мухомор, – не нужно мне ружьё. Не люблю грома и шума. Не стреляю, силков и капканов не ставлю. Разве что рыбку иногда половлю. Да и к ружью патроны нужны, порох там, дробь. Что же в город каждый раз ездить? Да и кто мне продаст их такому. Я чего здесь живу? Тихо потому что.

Тщательно вытерев сковородку куском хлеба, Мухомор отодвинул её от себя и принялся прихлёбывать свой чай. С удовольствием пил его и я. Мухомор снова пил из блюдечка, дуя на горячий чай и прикрывая время от времени глаза. Допив, резко встал, взял грязную посуду и направился к заводу. Я последовал за ним. Там он вымыл посуду прибрежным песком, занёс в дом и сложил горкой на столе. Я стоял снаружи и видел только, как линия гимнастёрка Мухомора мелькает в полумраке дома. Наконец, он спустился.

– Давай, пойдём – угодя покажу свои необъятные, – пошутил он.

Я с радостью согласился. Если бы я знал, что слова его надо воспринимать буквально, по крайней мере, что касается необъятности! Мухомор водил меня по каким-то тропкам, мы выходили на вырубку и полянки, сколько километров отмахали, не скажу, а Мухомор показывал, объяснял. Мы остановились у странно подрубленной осины: она была подрублена на высоте около метра, ствол лежал наискосок, опираясь верхней частью о землю. И по всей длине полулежащего ствола шла вырубленная бороздка.

– Вот, погляди, – сказал Мухомор, – осина в здешнем лесу – дерево сорное, срубить – беда небольшая, а лосям – лакомство, когда в бороздку соли наложишь. А главное – всем оно достанется: сверху крупный лось полизет, да кору пощиплет, а внизу, у земли, малые лосятки. Я им эти столовые устраиваю. Ну и веники заготавливаю, чтобы зимой не голодали.

И за всё это время я не испытал никакого опасения. Человек, которого я видел второй раз в жизни, заводил меня в места, откуда я бы один не вышел никогда, а я не волновался и полностью доверял своему проводнику. Вдруг он обернулся и, улыбаясь своим мыслям, сказал:

– Лосей утром видел, что пить приходили? Всегда ко мне приходят – не зря видать заводь эту Лосиной называют. А я люблю их, смотрю... В долгу я перед лосями.

... На закате, упав в низины, стелился туман и, огибая поочерёдно возвышенности, уходил вдаль серебристой рекой. Мы с Мухомором взобрались на небольшой холмик и оба любовались видом.

– Гляди-ка: туман, а, как будто река течёт, – сказал Мухомор почти шёпотом. И тут же встrepенулся, видя, как я собираюсь усесться на землю. Он указал мне на пенёк:

– Вот сюда седай. Земля сейчас быстро остыёт: осень уже.

Я послушно опустился на пенёк, сам Мухомор примостился рядом на корточках. Мы сидели молча. А потом Мухомор заговорил так, будто продолжал только что прерванный разговор:

– Сразу после войны голодно было. Деревня наша почти вся выжженная стояла. Оставшиеся избёнки покосились, в землю въехали. И голод. Лебеду жрали, кору дуба заваривали и пили, чтобы совсем от болезней не подохнуть. И вдруг весной – первая после войны весна была – видим: переплывает нашу речку лось. Вышел из чащи – и плывёт. Знаешь, за всю войну не видели мы ни лосей, ни кабанов. Видно, зверь и тот от врага прятался. А тут плывёт прямо на деревню. Зачем он из лесу вышел да к людям подался? Не знаю. Только, как увидели наши сохатого, побежали к реке. А он плывёт. До берега добрался, а выбраться ему тяжело – берег ещё скользкий, кое-где льдины лежат. Но выбрался. Стоит, с трудом ногами переступает. А мужики – к нему. У кого верёвки в руках, у кого колья. А самый здоровый дядя Коля топором размахивает. Первым подбежал да с размаху всадил топор лосю в лоб по самый обух.

Тот сразу рухнул на землю. Остальные подбежали, связали и потащили бедолагу в деревню. Они тащат, а лось ещё дёргается, и по оставшемуся снегу – широкая кровавая полоса тянется. Словом, добыли мяса. Сколько времени маковой росинки во рту не было, а тут всей деревне на несколько дней такое. Короче, накормил нас лось своею смертью. Всю деревню. Только я пацаном жалостливым был, сохатого жалел: мясо ел, а по щекам слёзы текли. Смеялись надо мной. Я ведь тоже со всеми к реке бежал, тоже кричал, а тут, как представил кровавый след... Вот и сейчас думаю: зачем лось к нам, к людям плыл? Может, за помощью. А мы его топором по лбу...

Темнело. Мухомор, не оборачиваясь ко мне, сказал:

– Сегодня тебя к себе не зову. Хочу на своей лавке поспать. А ты ступай. Вот по этой тропинке. Не сворачивай никуда – и через десять минут будешь на шоссе. И на рейсовый автобус успеешь.

Но не шли как-то к Мухомору слова об автобусе. Для меня он по-прежнему был вневременным существом.

Как вылечить лешего

– Ехалку свою пока у меня оставишь, – сказал мне тогда Мухомор при расставании о покорёженном мой велосипеде. – Повод будет заглянуть ко мне.

– Да я и без повода с удовольствием загляну, – ответил я совершенно искренне. Мухомор улыбнулся еле заметно и лишь сказал:

– Ну-ну, давай.

Не раз вспомнилось мне это «ну-ну», когда я в поисках мухоморовой избушки петлял по лесу, проходя по несколько раз мимо одного и того же места. Словно отводил меня кто. А, может, и сам Мухомор не пускал, не хотел ни сам видеть кого-то, ни чтобы его видели. Но я петлял, разыскивая знакомые тропы, не желая вернуться, – неведомая сила тянула меня в домик старика. «Кто он? – думал я. – Почему и на каких правах живёт в лесу в странном домике? И на что живёт? Получает ли пенсию? Есть ли вообще у него какие-то документы, родственники? Чем питается дед?». Мяса, как сам сказал Мухомор, давно не ел. Скорее всего, не ел и птицу. Обмолвился как-то: «Завёл было курей, да куда там. Разве в лесу можно? Враз лисы всех перетаскали. Я и бросил затею». Не был он, как я помнил, и охотником. Заметил, правда, у него небольшой огородик. Но ведь тоже ненадёжное дело, когда соседями зайцы да кабаны. Ладно, в лесу у него грибы, ягоды, ладно, рыбу ловит. Но соль, масло, хлеб, наконец. Соли вообще, учитывая расход на лосиные кормушки, старику надо было много. И я решил сделать старику приятное. Накупил круп разных, растительного масла, соли три пачки, несколько буханок хлеба. А ещё разных рыболовных снастей и новую телескопическую удочку, какой у него явно не было. Весь этот груз сложил я в огромный рюкзак, который сейчас, когда я пробирался между деревьями, мешал мне, оттягивал плечи, заваливал самого назад. К тому же, не переставая, шёл дождь. И хоть рюкзак свой изнутри я выложил полиэтиленовой плёнкой, что спасало содержимое от влаги, хоть сам я был в плащ-палатке, удовольствия такое путешествие доставляло мало. Наконец, я увидел в просвете между деревьями шершавую от дождевой ряби гладь Лосиной заводи, а там и избушка Мухомора показалась. Это придало бодрости, и последние метры пути я преодолел резво. Заметил, что дверь палкой не подпёрта, стало быть, хозяин либо в доме, либо отошёл недалеко. Я ввалился в дом, тяжело скинул рюкзак, прислонил его к стене, чтобы не опрокинулся он под собственной тяжестью, снял плащ, шумно стряхнул его, и пока глаза привыкали к полумраку, сказал громко:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.